

УДК 340.1

О РОЛИ И ЗНАЧЕНИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В УСЛОВИЯХ ПРАВОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Л.И. ДАНЬКОВА

(БИП – Институт правоведения, Гродно)

Рассмотрены вопросы судебной практики и судебного прецедента в свете судебного правотворчества в рамках проблематики системы источников права. Проведен краткий историко-правовой анализ особенностей становления и развития, современного состояния данных явлений в англосаксонской и романо-германской правовых семьях. Указанные правовые феномены проанализированы в условиях правовой глобализации, информационного общества, гармонизации правовых систем. Обосновано мнение, согласно которому судебная практика, правовые позиции как международных, так и национальных судов, а также органов конституционного контроля будут играть все более значимую роль в механизме современного правового регулирования.

Ключевые слова: источник права, правовая система, судебная практика, судебный прецедент, правовая глобализация.

В настоящий период активного развития и совершенствования национальных правовых систем особую актуальность приобретает формирование современного, отвечающего объективному общественному развитию понимание традиционных правовых феноменов, в том числе таких, как источники права. Многие правовые категории и понятия приобретают новое «звучание» в свете правовой глобализации в силу конвергенции национальной правовой системы, рецепции и заимствования наиболее совершенных правовых институтов.

Основная часть. Процессы правовой глобализации обусловлены прежде всего условиями информационного общества, в котором пространство и время «сжались» и «ускорились», коммуникация стала мгновенной, правила в экономической сфере стремятся к универсальности для удобства взаимодействия субъектов хозяйствования. В правовой литературе справедливо отмечается, что «нарастает универсализация правовых норм, вырабатываются общемировые нормативные правила»; «возрастающую роль международного права можно рассматривать как одну из важных тенденций современных правообразовательных процессов, когда нормы международного публичного права во взаимодействии государств, нормы международных межгосударственных и неправительственных организаций как универсального, так и регионального уровня, представляющие целостные нормативные стандарты в определенной сфере (здравоохранение, интеллектуальная собственность и др.), наднациональные нормы различных межгосударственных интеграционных образований напрямую задают контуры национальной нормативности» [1, с. 177].

Становится очевидным, что при формировании и развитии новых экономических отношений в условиях информационного общества, активного передвижения товаров, капитала, услуг, человеческих и финансовых ресурсов механизмы судебного обеспечения такой коммуникации и в необходимых случаях разрешения конфликтов в общественных отношениях выступают частью активно развивающегося сектора в национальных правовых системах.

Следует согласиться, что «тенденцией развития современных национальных, а также международных систем является увеличение роли правовых позиций судов в регулировании общественных отношений» [2].

При этом в доктринах стран постсоветского пространства, несмотря на огромный научный пласт, сформированный в последние десятилетия в результате исследования правовых позиций международных, наднациональных, региональных и национальных судов, а также органов конституционного контроля, в целом вопросов судебного правотворчества, по-прежнему господствует настроенное отношение к судебному прецеденту как особому правовому феномену.

В определенной степени это обусловлено сложностью самого понятия судебного прецедента, отсутствием его единообразного понимания, сложностью конструкций, схожих с ним по своей правовой природе, сложностью перевода и соотнесения понятий и категорий американской и англосаксонской правовых систем, наличием многочисленных особенностей в национальных системах источников права в целом, в том числе связанных с их иерархией, кодификацией и систематизацией. Определенную сложность вносят и современные цифровые технологии, обеспечивающие выстраивание правового массива различных правовых систем в виде электронных банков данных по собственным традициям и особенностям [3].

В отношении судебного прецедента как источника права, принадлежащего англосаксонской правовой семье, следует отметить, что в романо-германской правовой семье в качестве правового феномена схожей природы используется понятие судебной практики. В рамках советской правовой традиции первая попытка отнести судебную практику к источникам права была предпринята С.И. Вильнянским [4, с. 241–244].

Такой же дискуссионный характер, как и вопрос о судебном прецеденте, имеет вопрос о месте и роли судебной практики в системе источников права. Чаще всего споры сводятся к тому, что судебная практика либо признается источником права и выступает в виде руководящих указаний (разъяснений) высших судебных органов в государстве; либо признается источником права в полном объеме, включая результаты деятельности нижестоящих судов; либо вообще не рассматривается в качестве источника права.

С целью уяснения различия между трактовками судебной практики и судебного прецедента в англосаксонской и континентальной правовых семьях представляется оправданным проанализировать соотношение этих понятий.

Так, В.В. Демидов считает, что «разъяснения по вопросам практики применения законодательства, основанные на требованиях закона и обобщенных данных судебной практики в масштабах страны, представляют собой своеобразную форму судебного прецедента и являются ориентиром, подлежащим обязательному учету в целях вынесения законных и обоснованных приговоров, решений и постановлений» [5, с. 21].

Главное разграничение заключается в том, что, в отличие от судебного прецедента, судебная практика изучает, обобщает и дает разъяснения по вопросам применения законодательства. «Что же касается понятия «судебный прецедент», явившегося порождением англосаксонской системы права, то независимо от его современной модели, английской, американской, европейской, сегодня единодушно признается, что судебный прецедент – это судебное решение по конкретному делу, а не множественность аналогичных решений по определенной категории дел, выступающее как результат деятельности только высших судебных инстанций» [6, с. 6].

Некоторые зарубежные авторы рассматривают судебный прецедент и судебную практику как тождественные понятия. Например, Р. Кросс при исследовании судебного прецедента делает вывод, что данные понятия идентичны, взаимозаменяемы, выступают под одним и тем же названием «прецедент». Однако на практике рассматриваемые понятия имеют разные смысловые оттенки: когда речь идет о судебном прецеденте, то имеется в виду создание новой нормы, а не сам процесс судебной деятельности, результатом которой является судебное решение [7, с. 8].

Кроме того, согласно традиционно устоявшейся точке зрения, судебная практика создается в ходе повседневной деятельности всех судов, тогда как судебный прецедент – только высшими судами государства. Это позволяет сделать вывод, что хотя и судебный прецедент, и судебная практика являются результатом особого судебного правотворческого процесса, в котором судебным органам отводится важная роль, отождествлять судебную практику и судебный прецедент не следует, и любой теоретико-правовой анализ данных категорий без их сравнительного анализа представляется некорректным.

При анализе судебного прецедента как традиционного источника права, возникшего и сформировавшегося в рамках англосаксонской правовой семьи, следует отметить, что судебный прецедент берет свое начало еще в Древнем Риме, когда возникла необходимость толкования Законов XII таблиц преторами. Сформулированные ими правила постепенно образовали систему обязательных правил – преторское право. «Многие институты римского права сложились на базе судебных прецедентов. Так, в Древнем Риме решения преторов и других магистратов признавались обязательными при рассмотрении аналогичных дел» [8, с. 380]. Рассматриваемый этап истории римского права характеризовался тем, что главным источником права в этот период служили эдикты преторов, которые дополняли и исправляли квирическое право.

В настоящее время в странах романо-германской правовой семьи правосудие осуществляется на основе закона (нормативных правовых актов), который выступает в качестве основного источника права. При этом не следует забывать о точке зрения Р. Давида: «Абсолютный суверенитет закона в странах романо-германской правовой семьи является фикцией», поскольку «наряду с законом существуют и иные значительные источники права» [9, с. 104].

Несмотря на то, что основным источником романо-германской правовой семьи, в том числе белорусской правовой системы, является закон (нормативный правовой акт), на протяжении всей истории развития права в Беларуси большое внимание уделяется такой правовой категории, как судебная практика. Обобщение судебной практики осуществляется путем принятия специальных постановлений по обособленному предмету (определенным категориям дел) высшей судебной инстанцией в системе судов общей юрисдикции – Верховным Судом Республики Беларусь.

Действующее законодательство не регламентирует прямо, кому принадлежит право внесения предложений о даче разъяснений по применению законодательства. Практика работы Верховного Суда показывает, что нередко предложения о необходимости рассмотрения на Пленуме конкретных вопросов по применению законодательства вносят органы прокуратуры.

Следует согласиться с точкой зрения, что «первостепенная роль в иницировании вопросов, подлежащих обсуждению на Пленуме, должна отводиться коллегиям Верховного Суда, которые в процессе рассмотрения дел в кассационном и надзорном порядке имеют возможность делать выводы о том, насколько правильно ориентированы суды в применении конкретных правовых норм» [10, с. 3]. Будучи более тесно связанными с судами первой инстанции, областные суды должны постоянно вести учет воз-

никающих в работе проблемных вопросов применения законодательства, вносить предложения по проектам постановлений, инициировать постановку вопросов для обсуждения на Пленуме Верховного Суда.

Являясь высшим органом судебной власти в системе общих судов, Верховный Суд Республики Беларусь в лице его Пленума играет ведущую роль в обеспечении соблюдения законности при осуществлении правосудия, укреплении его основных принципов. Правильность и обоснованность разъяснения положений законодательства – обязательное условие соблюдения законности. При вынесении решения по конкретному делу суд вырабатывает определенный стандарт оценки фактических обстоятельств дела. Такое решение представляет собой частное применение нормы, одновременно может выступать и в качестве общего правила.

В настоящее время внимание к судебной практике как особому правовому феномену, традиционно рассматриваемому в рамках проблематики источников права, объясняется тем, что данная правовая категория способна «примирить» различные точки зрения на источники права как в рамках англосаксонской, так и романо-германской правовых семей.

Следует согласиться, что «гармонизация источников романо-германского и англосаксонского права, так же, как и конвергенция самих этих семей, в основе своей явление объективное, обусловленное главным образом такими же объективными по своей природе процессами, как глобализация и регионализация»; к причинам гармонизации источников права различных правовых семей относят также «европеизацию правовой сферы, связанную с постепенным вытеснением из правового поля Европейского союза национального права, а следовательно и его источников, и заменой их общеевропейскими правовыми институтами» [11].

На европейском правовом пространстве общие подходы к пониманию большинства правовых конструкций формируются в рамках прецедентного права Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Прецедентная практика данного Суда оказывает прямое влияние на совершенствование национальных правовых систем государств-членов Совета Европы. «Не являясь членом Совета Европы и участницей Конвенции, Республика Беларусь не связана юридическими обязательствами, возникающими из признания государством юрисдикции ЕСПЧ. Однако в силу того, что постановления ЕСПЧ представляют собой не только акт применения права, порождающий последствия для сторон конкретного спора, но и акт толкования Конвенции, содержащий правовые позиции, можно говорить в широком смысле о влиянии практики ЕСПЧ на национальное законодательство и национальную правоприменительную практику не только государств-участников Конвенции, но и других государств, включая Республику Беларусь, которые нацелены на включенность в европейскую систему защиты прав и свобод человека в будущем» [12].

Авторитет правовых позиций ЕСПЧ, его «пилотные решения», напрямую предназначенные для национального законодателя, возрастание значения интерпретационной деятельности в отношении конвенционных положений свидетельствуют об усилении роли судебной практики и ее востребованности при выработке законотворческих решений. Что касается подходов к судебной практике, сформулированных в решениях ЕСПЧ, то «судебная практика традиционно играет столь существенную роль в континентальных странах, что цели направления позитивного права в значительной степени являются ее результатом» [13].

Европейский Суд по правам человека рассматривает конкретные дела и, защищая субъективные права обращающихся за правовой поддержкой граждан, вырабатывает судебные прецеденты, которые в дальнейшем ориентируют национального законодателя учитывать европейские стандарты по соблюдению прав человека.

В свете важности правовых позиций международных судов для совершенствования национальных правовых систем следует подчеркнуть особую роль процессов евразийской интеграции для правовой системы Республики Беларусь.

Евразийский экономический союз, членом которого является Беларусь, – международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью [14]. Согласно пункту 1 статьи 6 «Право Союза» Договора о Евразийском экономическом союзе 2014 года право Союза составляют: данный Договор; международные договоры в рамках Союза; международные договоры Союза с третьей стороной; решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных данным Договором и международными договорами в рамках Союза.

Наличие права Союза отражает сложную правовую природу этого межгосударственного (интеграционного) объединения, с собственной правотворческой компетенцией, способной создавать интеграционные нормы. В соответствии со статьей 19 указанного Договора Суд Союза является постоянно действующим судебным органом Союза. Анализ компетенции данного органа и особенностей его статуса требует самостоятельного исследования. Для создания единого правового пространства Суду Союза еще предстоит сформировать эффективное взаимодействие с правительствами государств-участников, с их национальными судами и наднациональным органом исполнительной власти Союза.

В рамках данной работы подчеркнем, что решающую роль будет играть формируемая практика. Как верно указывает Н.А. Соколова, «большое значение для определения роли Суда ЕАЭС в процессе

развития евразийской интеграции будет иметь судебная практика, которая только формируется, и те доктрины, которые будут восприняты Судом ЕАЭС» [15].

Заключение. Переосмысление многих устоявшихся правовых понятий и категорий, включая такие, как судебная практика, сегодня происходит в связи с унификацией многих правовых явлений в условиях правовой глобализации, интеграции национальных правовых систем благодаря деятельности различных международных организаций и транснациональных корпораций, интенсификации экономического взаимодействия. Одну из ключевых ролей в данном процессе играет деятельность международных и региональных судебных органов, а также национальных судов, которые во взаимодействии и взаимовлиянии вырабатывают пути совершенствования национальных правовых систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мурашко, Л.О. Аксиологическое измерение процесса правообразования / Л.О. Мурашко. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 304 с.
2. Дьяченко, Е.Б. Евразийская интеграция: роль Суда / Е.Б. Дьяченко, П.П. Мысливский, Т.Н. Нешатаева / под ред. Т.Н. Нешатаевой. – М. : Статут, 2015. – 304 с.
3. Вербова, О.В. Источники английского права в начале XXI века / О.В. Вербова // Вестн. Гродн. гос. ун-та им Я. Купалы. Сер. 4, Правоведение. – Т. 8, № 2. – 2018. – С. 6–15.
4. Вильнянский, С.И. Значение судебной практики в гражданском праве / С.И. Вильнянский // Ученые труды ; Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. – М., 1947. – Вып. 9. – С. 239–290.
5. Демидов, В.В. О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда / В.В. Демидов // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. – 1998. – № 3. – С. 21–24.
6. Гицу, М.А. Судебный прецедент как источник права в свете современных тенденций в России / М.А. Гицу // Государство и право. – 2017. – № 6. – С. 5–16.
7. Кросс, Р. Прецедент в английском праве / Р. Кросс ; пер. с англ. под общ. ред. Ф.М. Решетникова. – М. : Юрид. лит., 1985. – 238 с.
8. Аннерс, Э. История европейского права / Э. Аннерс ; пер. со швед. Р.Л. Валинского [и др.] ; Рос. акад. наук, Ин-т Европы. – М. : Наука, 1994. – 395 с.
9. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози ; пер. с фр. – М. : Междунар. отношения, 2003. – 398 с.
10. Минец, И. Пленум Верховного Суда. Каким ему быть? / И. Минец // Судовы весн. – 1997. – № 4. – С. 2–3.
11. Марченко, М.Н. Правовая система Европейского союза / М.Н. Марченко, Е.М. Дерябина. – М. : Норма, Инфра-М, 2012. – 704 с.
12. Нац. докл. Конституц. Суда Респ. Беларусь к XVI Конгрессу Конф. европ. конституц. судов «Сотрудничество между конституционными судами в Европе – рамочные условия и перспективы в настоящее время» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vfgh.gv.at/cms/vfgh-kongress/downloads/landesberichte/KF-Belarus-RU.pdf>. – Дата доступа: 12.03.2018.
13. Крюслен (Kruslin) против Франции : судеб. решение, 24 апр. 1990 г. // Европейский суд по правам человека: избр. решения : в 2 т. / редкол.: В.А. Туманов (пред.) [и др.]. – М., 2000. – Т. 2. – С. 668–674.
14. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : подп. в г. Астана 29 мая 2014 г. // КонсультантПлюс. Россия // ООО «ЮрСпектр». – М., 2018.
15. Соколова, Н.А. Евразийская интеграция: возможности Суда Союза / Н.А. Соколова // Lex russica. – 2015. – № 11. – С. 96–103.

Поступила 17.04.2018

ON THE ROLE AND IMPORTANCE OF CASE LAW IN THE CONTEXT OF LEGAL GLOBALISATION

L. DANKOVA

The article examines case law and the legal precedent in light of judicial rulemaking under the sources of law system. It provides a brief historical and legal analysis of the establishment and development of these phenomena as well as its current state in the Anglo-Saxon and Romano-Germanic legal families to be viewed in the context of legal globalisation, information society, harmonisation of legal systems. The author is finding that case law and legal positions of international courts, national courts and constitutional review bodies will play an increasingly important role in the mechanism of modern legal regulation.

Keywords: source of law, legal system, case law, legal precedent, legal globalization.